

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации
<http://www.srji.org/resources/search/121/> Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно
для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the
sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

МАЛСАГОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба №27244/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

9 апреля 2009 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

6 ноября 2009 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Малсагова и другие против России”,
Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем
составе:

Кристос Розакис, *Президент*,
Анатолий Ковлер,
Элизабет Штейнер,
Дин Шпильманн,
Сверре Эрик Йебенс,
Джорджио Малинверни,
Георгий Николау, судьи,
и Сёрен Нильсен, *Секретарь Секции*,

Заседая 19 марта 2009 года за закрытыми дверями,
Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№27244/03) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») семью гражданами Российской Федерации, перечисленными далее («заявители») 9 июля 2003 года.

2. Заявителей, которым была присуждена помощь на предоставление юридических услуг, в Европейском Суде представляли юристы "Правовой инициативы по России" ("SRJI"), неправительственной организации с главным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представляли П. Лаптев и В. Милинчук, бывшие Представители Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявители жаловались, в частности, на то, что их родственник Сайди Малсагов исчез после незаконного задержания российскими военнослужащими и что российские власти не провели эффективного расследования этого события; что исчезновение причинило заявителям душевные страдания; что они не получили эффективных средств защиты от вышеупомянутых нарушений.

4. 29 августа 2004 года Суд решил применить Правило 41 Регламента Суда.

5. Решением от 6 марта 2008 года Суд признал жалобу приемлемой.

6. Заявители и Правительство дали письменные ответы на замечания друг друга (Правило 59 § 1). Суд принял решение не проводить устных слушаний по существу делу (Правило 59 § 3 *мелким шрифтом*), в дальнейшем стороны дали письменные ответы на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявителями являются:

- 1) Г-жа Табарик Малсагова, 1952 года рождения;
- 2) Г-жа Зулихан Майрсолтовна Малсагова, 1978 года рождения;
- 3) Г-жа Шовда Майрсолтовна Малсагова, 1987 года рождения;
- 4) Г-жа Тамила Майрсолтовна Малсагова, 1983 года рождения;
- 5) Г-жа Яха Майрсолтовна Малсагова, 1974 года рождения;
- 6) Г-жа Комета Майрсолтовна Малсагова, 1973 года рождения; и
- 7) Г-н Тамерлан Майрсолтович Малсагов, 1983 года рождения.

Они проживают в городе Урус-Мартан, Чеченская республика.

8. Первая заявительница является матерью Г-на Сайди Майрсолтовича Малсагова, 1980 года рождения. Остальные заявители являются детьми первой заявительницы, а также сестрами и братьям Сайди Малсагова. Семья заявителей проживает в собственном доме в Урус-Мартане, по ул. Шверника, дом 22.

A. Исчезновение Сайди Малсагова

1. Позиция заявителей

9. 7 ноября 2002 года, около 2 часов ночи группа военных, примерно двадцать пять - тридцать человек в масках и камуфлированной форме ворвались в дом семьи Малсаговых. Военнослужащие были вооружены автоматами и снайперскими винтовками с оптическими прицелами, они говорили по-русски без акцента. Военные не предъявили своих документов, но заявители считают, что это были российские военнослужащие. Военные не предъявили никаких документов, санкционирующих их действия, они ничего не объяснили.

10. Первая заявительница спала в одной комнате ее двумя внуками, 7 и 9 лет, и с четвертой заявительницей. В другой комнате спали Сайди Малсагов с его женой, г-жой С. Седьмой заявитель и его отец Майрсолт Малсагов (умерший в октябре 2003 года) спали в третьей комнате.

11. Первая и четвертая заявительницы были разбужены солдатами, вошедшими к ним в комнату. Солдаты включили свет и приказали им оставаться в постелях и не двигаться. Двое из них обыскали шкафы, в то время как третий стоял в дверях и охранял вход в комнату. Они не разговаривали с женщинами. После того, как они закончили обыск, двое из них вышли и пошли в соседнюю комнату, где спали Сайди Малсагов и г-жа С. Приблизительно через 10 минут пять или шесть военных вновь вошли в комнату и подошли к кровати первой заявительницы. Две внучки первой заявительницы испугались и спали плакать, и первая заявительница попросила солдат не трогать детей. Те ответили ей, что зашли просто для проверки. После этого они вышли из комнаты и закрыли дверь снаружи.

12. Через пять минут седьмой заявитель и его отец вошли в комнату женщин. Вместе они пошли в комнату Сайди Малсагова. Там они увидели его жену, которая сидела на полу у кровати и плакала. Вещи и постельные принадлежности валялись по всей комнате. Г-жа С. сказала им, что военные

увели ее мужа. Они также забрали аудио и видео пленки, некоторые документы и медицинскую карту Сайди Малсагова.

13. Седьмой заявитель утверждал, что 7 ноября 2002 года около 2:30 пять мужчин в камуфляже или черной униформе, вооруженные автоматами, вошли в комнату, в которой спали он и его отец. Они попросили его предъявить паспорт. Ему приказали лечь на пол. Один из военных зачитал вслух его полное имя и седьмой заявитель подтвердил, что это действительно он. Тогда военные стали обыскивать комнаты, ничего не объясняя и не говоря, что они ищут и через 10 минут они ушли. Они приказали седьмому заявителю оставаться на полу и не двигаться. Седьмой заявитель услышал шум, когда они сломали дверь в расположенную поблизости комнату. Через пять минут трое из военных вошли в комнату и вновь спросили у седьмого заявителя его документы. Тот ответил, что его паспорт уже проверяли, и военные вышли, ничего не сказав. Приблизительно через пятнадцать минут он услышал, как военные уходили. Как только стало тихо, он пошел в основной дом и увидел мать и сестер. Вместе они пошли в комнату брата, где его жена сказала им, что Сайди Малсагова забрали. Седьмой заявитель пошел во двор, а затем на улицу, но никого не увидел, не было даже слышно шума моторов.

14. Г-жа С. показала, что военные вошли в комнату и приказали им не двигаться. Затем они приказали Сайди Малсагову встать и одеться. Ему разрешили надеть туфли и куртку, после чего военные вывели его из комнаты, забрав его документы и некоторые вещи. Они ничего не объяснили и не ответили на заданные им вопросы.

15. Заявители предоставили в Суд свидетельские показания их соседки Ш., которая проживает на той же улице, что и заявители. 7 ноября 2002 года, около трех часов ночи она услышала лай собак и выглянула в окно на улицу. Она увидела цепочку вооруженных людей, идущих по улице со стороны, где живут Малсаговы по направлению к улице Магомеда Мерзоева. Там было около десяти мужчин, одетых в пятнистую камуфляжную униформу и в масках. После этого все затихло. На утро свидетельница узнала о том, что военные забрали Сайди Малсагова.

16. Начиная с того дня, заявители ничего не слышали о своем сыне и брате Сайди Малсагове.

2. Позиция Правительства

Правительство Государства-ответчика утверждало, ссылаясь на данные, предоставленные Генеральной прокуратурой РФ, что в ночь с 6 на 7 ноября 2002 года неустановленные лица, вооруженные автоматическим оружием и в масках, проникли в дом заявителей в селе Урус-Мартан по улице Шверника, дом 22, откуда похитили и увезли в неизвестном направлении Сайди Малсагова.

В. Поиск Сайди Малсагова и расследование

(а) Обращения в официальные государственные инстанции

17. Сразу после исчезновения Сайди Малсагова заявители лично и письменно обращались в различные официальные инстанции, пытаясь установить местонахождение и участь их родственника. Они также лично

посетили места содержания под стражей в Чечне и в ряде мест на Северном Кавказе. Поиски велись преимущественно первой заявительницей.

18. Утром 7 ноября 2002 года первая заявительница посетила местную военную комендатуру, районное отделение внутренних дел (далее - «РОВД»), прокуратуру Урус-Мартановского района (далее - «районная прокуратура») и местную администрацию. В каждом из указанных органов ей сказали, что они не знают, кто задержал ее сына, и что у них нет информации о его местонахождении.

19. 7 ноября 2002 года первая заявительница подала жалобы в районную прокуратуру, в прокуратуру Чеченской Республики (далее - «прокуратура Чеченской Республики»), в военную прокуратуру, в местную комендатуру и Специальному Представителю Президента РФ по Правам Человека в Чечне. Она также обратилась в неправительственную организацию Правозащитный Центр «Мемориал». В своих обращениях она указала детали задержания Сайди Малсагова и просила установить его местонахождение, обеспечить его освобождение, а также возбудить уголовное дело для расследования его похищения.

20. 7 ноября 2002 года директор муниципального предприятия «АПП Энергетик», в котором работал Сайди Малсагов, обратился с письмом к главе районной администрации и к военному коменданту, прося их о помощи в поисках и освобождении их работника. 15 ноября 2002 года районная администрация Урус-Мартана направила данное письмо в РОВД.

21. 9 декабря 2002 года прокуратура Чеченской Республики направила письмо первой заявительницы изначально адресованное Специальному Представителю Президента РФ по Правам Человека в Чечне в прокуратуру Урус-Мартановского района с требованием проверить жалобу и проинформировать заявителя соответствующим образом.

22. 17 января 2003 года первая заявительница обратилась к военному прокурору Урус-Мартановского района с просьбой о помощи в установлении местонахождения ее сына.

23. 5 апреля 2003 года военная прокуратура Объединенной группы войск (сил) (далее - «прокуратура ОГВ(с)») направила письмо первой заявительницы о похищении сына в военную прокуратуру в/ч 20102 (далее - «военная прокуратура»).

24. 7 апреля 2003 года первая заявительница обратилась к прокурору Урус-Мартановского района с просьбой сообщить о ходе расследования уголовного дела №61147.

25. 9 апреля 2003 года Министерство внутренних дел Чеченской Республики направило обращение первой заявительницы в РОВД.

26. 17 апреля 2003 года районная прокуратура проинформировала первую заявительницу о том, что 13 ноября 2002 года прокуратурой было возбуждено уголовное дело в связи с похищением ее сына неизвестными вооруженными лицами, по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 126 ч. 2 Уголовного Кодекса РФ («похищение»). 13 января 2003 года расследование было приостановлено в связи с не установлением подозреваемых. В письме также говорилось, что РОВД было поручено активизировать поиски Малсагова и подозреваемых в совершении данного преступления.

27. 25 апреля 2003 года районная прокуратура вновь проинформировала первую заявительницу о том, что расследование было приостановлено 13 января 2003 года.

28. 23 мая 2003 года военная прокуратура направила жалобу первой заявительницы в районную прокуратуру, указав, что не имеется оснований подозревать участие военнослужащих в данном преступлении.

29. 9 июня 2003 года прокурора ОГВ (с) вновь направила письмо первой заявительницы о похищении сына в военную прокуратуру.

30. 18 июня 2003 года первая заявительница обратилась в районную прокуратуру с запросом о предоставлении ей возможности ознакомиться с материалами уголовного дела №61147 в качестве потерпевшей. 20 июня 2003 года ей было дано разрешение ознакомиться с материалами в прокуратуре в рабочее время. Согласно показаниям первой заявительницы, когда она ознакомилась с материалами уголовного дела, то обнаружила в нем только информационные запросы, направленные в различные районные отделы внутренних дел и ответы на них, в которых говорилось, что у них Сайди Малсагова не содержится. Первой заявительнице не разрешили сделать копии с материалов дела.

31. 3 июля 2003 года военная прокуратура вновь известила заявителей о том, что не имеет юридических оснований для рассмотрения их обращения.

32. 23 июля 2003 года прокуратура Чеченской Республики направила жалобу первой заявительницы в районную прокуратуру с указанием провести тщательную проверку жалобы первой заявительницы.

33. 1 августа 2003 года районная прокуратура проинформировала первую заявительницу о том, что расследование уголовного дела № 61147 было приостановлено в этот день.

34. 6 августа 2003 года первая заявительница обратилась в прокуратуру Чеченской Республики с жалобой на решение о приостановлении расследования. Она ссылаясь на обстоятельства задержания сына, и указывала на то, что его, скорее всего, задержали представители официальных органов, так как они прибыли большой группой во время действия комендантского часа и были одеты в форму, похожую на ту, которую используют российские военные. Она просила прокуратуру обязать районную прокуратуру провести ряд следственных действий, а именно, допросить сотрудников комендатуры и других силовых структур. Она также просила установить личности и допросить других свидетелей ночной операции, которые могли видеть транспортные средства, на которых прибыли похитители.

35. 6 августа 2003 года районная прокуратура вновь проинформировала первую заявительницу о том, что следствием предпринимаются все возможные меры для установления местонахождения ее сына. Однако, расследование было приостановлено в связи с не установлением подозреваемых в совершении преступления.

36. 20 августа 2003 года прокуратура Чеченской Республики проинформировала первую заявительницу в ответ на ее жалобу, что решение о приостановлении следствия по делу о похищении ее сына было отменено 1 августа 2003 года, и районной прокуратуре было указано предпринять ряд необходимых следственных действий.

37. 1 сентября 2003 года районная прокуратура проинформировала первую заявительницу о том, что следствие по уголовному делу было приостановлено 1 сентября 2003 года. Заявительница была проинформирована об имеющейся возможности обжаловать данное постановление.

38. 5 сентября 2003 года Урус-Мартановская районная прокуратура вновь проинформировала первую заявительницу о последнем приостановлении следствия по делу.

39. 29 сентября 2003 года жалоба первой заявительницы была направлена из прокуратуры Чеченской Республики в районную прокуратуру с указанием провести проверку по жалобе.

40. 13 ноября 2003 года организация «Правовая инициатива по России» от имени заявителей обратилась в районную прокуратуру с просьбой сообщать, каков статус предварительного следствия по уголовному делу о похищении Сайди Малсагова, и проинформировать заявителей о результатах предпринятых следственных действий.

41. 23 июня 2005 года организации «Правовая инициатива по России» направила запрос в районную прокуратуру с просьбой информировать о ходе расследования похищения Сайди Малсагова и сообщить заявителям о результатах предпринятых следственных мер.

42. 12 июля 2005 года районная прокуратура сообщила «Правовой инициативе по России», что все необходимые следственные меры, направленные на раскрытие преступления, были предприняты и что первая заявительница может ознакомиться с материалами уголовного дела.

2. Информация, представленная Правительством

43. 13 ноября 2002 года районная прокуратура возбудила уголовное дело №61147 по признакам состава преступления, предусмотренного пунктом «а» части второй Статьи 126 Уголовного Кодекса РФ

44. 19 ноября 2002 года районная прокуратура направила запросы в адрес начальника Управления Федеральной службы безопасности по Чеченской Республике (далее - «ФСБ Чечни»), а также во все городские и районные отделы внутренних дел Чеченской Республики о наличии сведений о лицах, причастных к похищению Сайди Малсагова. На них были получены отрицательные ответы.

45. 19 ноября 2002 года районная прокуратура допросила первую заявительницу в качестве свидетельницы. Она показала, что 7 ноября 2002 года в три часа ночи к ним в дом вошли 10-12 человек, которые заперли ее с дочерью в комнате. Когда она вышла из комнаты, то обнаружила, что неизвестные забрали с собой ее сына. Шума машин или бронетехники она не слышала. Из дома ничего похищено не было. Насильственные действия в отношении членов семьи не допускались.

46. 13 января 2003 года районная прокуратура признала первую заявительницу потерпевшей по уголовному делу.

47. 13 января 2003 года районная прокуратура приостановила предварительное следствие по уголовному делу №61147 в связи с не установлением лиц, подлежащих привлечению к ответственности в качестве обвиняемых, и направила поручение РОВД об активизации оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступления.

48. 12 февраля 2003 года первая заявительница была уведомлена о приостановлении предварительного следствия, и ей разъяснили право обжалования данного решения.

49. 16 апреля 2003 года в районную прокуратуру поступило обращение от первой заявительницы с просьбой принять меры по установлению местонахождения ее сына и также сообщить ей информацию о ходе расследования уголовного дела.

50. 25 апреля 2003 года первую заявительницу уведомили о приостановлении расследования.

51. 19 июня 2003 года в районную прокуратуру поступило обращение первой заявительницы о предоставлении ей возможности ознакомиться с материалами уголовного дела. 20 июня 2003 первую заявительницу уведомили о том, что она может в любое время ознакомиться с материалами уголовного дела.

52. 1 августа 2003 года районная прокуратура отменила постановление о приостановлении предварительного следствия от 13 января 2003 года, производство по делу было возобновлено, о чем в тот же день уведомили первую заявительницу.

53. 1 августа 2003 года районная прокуратура допросила Г-жу С. в качестве свидетельницы. Она показала, что в ночь с 6 на 7 ноября 2002 года в дом ворвались неизвестные лица, вооруженные автоматическим оружием и в масках, которые приказали ей лечь на пол, после чего произвели в доме обыск. Затем они забрали ее мужа и уехали. В этот же день районная прокуратура допросила седьмого заявителя в качестве свидетеля. Он показал, что примерно в 2 часа в ночь с 6 на 7 ноября 2002 года в дом, где они проживают, ворвались вооруженные лица в количестве двадцати пяти – тридцати человек, которые попросили предъявить документы. Он сказал, что документы лежат на столе, после чего его уложили на пол и стали искать что-то в комнате. Когда они уехали, он узнал, что они забрали с собой его брата.

54. 8 августа 2003 года районная прокуратура направила запросы во все силовые и правоохранительные структуры о наличии сведений о похищении Сайди Малсагова. Временно исполняющий обязанности военного коменданта Урус-Мартановского района, начальник следственного изолятора ИЗ-20/1 Управления исполнения наказаний Министерства юстиции по ЧР, глава РОВД и другие должностные лица силовых структур сообщили, что сотрудниками данных органов Сайди Малсагов не задерживался и сведениями о его местонахождении они не располагают.

55. 1 сентября 2003 года районная прокуратура приостановила предварительное следствие по уголовному делу №61147 в связи с не установлением лиц, подлежащих привлечению к ответственности в качестве обвиняемых, и направила поручение в РОВД об активизации оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступления.

56. 5 сентября 2003 года районная прокуратура информировала первую заявительницу о постановлении от 1 сентября 2003 года.

57. 1 октября 2004 года районная прокуратура отменила постановление о приостановлении предварительного следствия от 5 сентября 2003 года, производство по делу было возобновлено.

58. 15 октября 2004 года районная прокуратура уведомила первую заявительницу о том, что предварительное следствие возобновлено.

59. 15 ноября 2004 года районная прокуратура приостановила предварительное следствие в связи с не установлением лиц, подлежащих привлечению к ответственности в качестве обвиняемых и информировала первую заявительницу об этом решении.

60. 6 декабря 2004 года районная прокуратура отменила постановление о приостановлении предварительного расследования от 15 ноября 2004 года, и производство по делу было возобновлено. 7 декабря первую заявительницу уведомили об этом.

61. 13 декабря 2004 года районная прокуратура вновь допросила первую заявительницу в качестве потерпевшей. Она показала, что все нападавшие были одеты в камуфлированную форму без знаков отличия. Они пришли к дому пешком через огород соседей. Транспортных средств никто не видел. Мужчины вошли в комнату, где первая заявительница находилась вместе с дочерью и внучками, им приказали не двигаться. Женщина была сильно напугана и не может сказать, заперли ли дверь снаружи или нет. Через несколько минут первая заявительница вышла из комнаты и узнала, что ее сына увезли.

62. 25 декабря 2004 года районная прокуратура запросила информацию в ФСБ Чечни.

63. 26 декабря 2004 года районная прокуратура направила запросы относительно Сайди Малсагова в ряд следственных изоляторов временного содержания в различные регионы России, включая следственный изолятор ИЗ-20/2 в Чернокозово. В этот же день они запросили информацию о Сайди Малсагове в госпиталях различных районов Чечни.

64. 27 декабря 2004 года следователь районной прокуратуры провел осмотр журнала учета доставленных в изолятор временного содержания РОВД. По имеющимся данным, в изоляторе Сайди Малсагов не содержался.

65. 28 декабря 2004 года районная прокуратура допросила в качестве свидетеля Г-на А., который является соседом заявителей. Он показал, что узнал о похищении Сайди Малсагова утром 7 ноября¹ 2002 года. В этот же день он обнаружил следы сапог на снегу, которые вели на задний двор дома. Металлическая сетка, отделяющая их от соседей, была перерезана. Он не слышал никаких посторонних звуков в ночь с 6 на 7 ноября² 2002 года и не знает, кто мог похитить Сайди Малсагова. Аналогичные показания дали допрошенные по делу в качестве свидетелей три других свидетеля.

66. 29 декабря 2004 года районная прокуратура допросила четвертую и седьмого заявителей в качестве свидетелей. Они дали показания аналогичные показаниям, которые дал Г-н А. В этот же день четвертая заявительница была признана потерпевшей по делу.

67. 7 января 2005 года районная прокуратура приостановила предварительное следствие по уголовному делу №61147 в связи с не установлением лиц и в этот же день информировала первую и четвертую заявительниц об этом постановлении.

68. 18 января 2005 года районная прокуратура была информирована о том, что Сайди Малсагов не поступал в следственный изолятор ИЗ-20/2. В разное время из других следственных изоляторов поступили ответы о том, что в названных учреждениях Сайди Малсагов не содержался.

69. 27 января 2005 года из ФСБ Чечни информировали районную прокуратуру, что в 2002 году Сайди Малсагов являлся активным членом незаконных вооруженных формирований.

70. 15 декабря 2005 года районная прокуратура отменила постановление о приостановлении предварительного следствия от 7 января 2005 года и возобновила производство по делу.

71. 15 января 2006 года расследование уголовного дела №61147 было приостановлено.

72. 16 марта 2006 года районная прокуратура возобновила расследование.

---

¹ В оригинале постановления ошибочно указывается «7 января».

² В оригинале постановления ошибочно указывается «7 января».

73. 27 марта 2006 года районная прокуратура направила запросы в РОВД, ОРБ-2, МВД ЧР и отделение ФСБ Чечни в Урус-Мартановском районе с указанием провести следственные мероприятия, направленные на установление причастных к преступлению. Как следует из полученных ответов, ни один из названных правоохранительных органов не имел соответствующей информации.

74. 26 марта 2006 года г-жа З.Т., племянница Сайди Малсагова, была допрошена и показала, что в ночь похищения ее дяди, она проснулась от стука двери и увидела несколько вооруженных людей в камуфляжной форме, которые вошли в комнату. Они говорили по-русски. Затем они вышли из комнаты и закрыли дверь. Через десять минут г-жа З.Т. вышла во двор и услышала, что задержали ее дядю.

75. В период с 27 по 29 марта 2006 года три соседа заявителей были допрошены в качестве свидетелей и показали, что не видели, как задержали Сайди Малсагова, и что они знают его как порядочного человека.

76. 27 марта 2006 года районная прокуратура направила запросы относительно ареста Сайди Малсагова и его содержания в различные правоохранительные органы городов и районов Чеченской Республики. В полученных ответах не было никакой существенной информации.

77. 5 апреля 2006 года первую заявительницу вновь допросили, и она показала, что ей нечего добавить к ее предшествующим заявлениям.

78. 16 апреля 2006 года расследование уголовного дела № 61147 было приостановлено в связи с не установлением причастных к преступлению. В этот же день из районной прокуратуры направили запрос в РОВД с указанием активизировать поиск преступников.

79. 30 июня 2006 года районная прокуратура возобновила расследование.

80. 30 июня 2006 года районная прокуратура направила запросы в РОВД, ОРБ-2, Временную объединенную группировку войск МВД ЧР и отделение ФСБ Чечни в Урус-Мартановском районе с указанием провести следственные мероприятия, направленные на установление причастных к преступлению. Как следует из полученных ответов, ни один из названных правоохранительных органов не имел соответствующей информации.

81. 10 июля 2006 года районная прокуратура направила запросы относительно Сайди Малсагова в межрайонную прокуратуру Ачхой-Мартановского района, центр содержания ИЗ-4/1, командующему Объединенной группировкой войск (сил) и военному коменданту Чеченской Республики. Данные структуры не имели никакой информации о похищенном.

82. В период с 6 по 21 июля 2006 года районная прокуратура допросила шесть соседей заявителей. Все они показали, что в ночь похищения Сайди Малсагова были дома и ничего не видели.

83. 30 июля 2006 года расследование было вновь приостановлено.

84. 10 апреля 2008 года Следственный Комитет прокуратуры Чеченской Республики возобновил расследование и вынес соответствующие распоряжения ряду правоохранительных органов.

85. Несмотря на специальный запрос Суда, Правительство Государства-ответчика не предоставило копии материалов уголовного дела №61147, за исключением копий постановлений о приостановлении и возобновлении предварительного расследования и о признании потерпевшими. Ссылаясь на информацию, предоставленную Генеральной прокуратурой, Правительство

Государства-ответчика утверждает, что следствие по делу продолжается и что предоставление копий всех материалов уголовного дела противоречит требованиям статьи 161 Уголовно-процессуального Кодекса РФ, так как в материалах дела содержатся сведения, раскрывающие дислокацию и характер воинских и специальных подразделений, а также адреса и данные участников судопроизводства.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

86. См. изложение соответствующего национального законодательства в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

87. Правительство утверждало, что жалобу следует признать неприемлемой в виду не исчерпания внутригосударственных средств, так как расследование по делу похищения Сайди Малсагова еще не окончено. Оно также утверждало, что заявители могли обжаловать в суде действия или бездействия следственных или иных правоохранительных органов во время проведения расследования, однако они не воспользовались данным средством правовой защиты. Правительство также указало, что настоящая жалоба была подана спустя семь месяцев после похищения Сайди Малсагова, то есть заявители умышленно проигнорировали существующие внутригосударственные средства защиты.

88. В своих замечаниях по существу дела от 13 мая 2008 года Правительство указало в первую очередь относительно предполагаемого не исчерпания внутренних средств защиты, что заявители не подавали гражданский иск с целью компенсации ущерба.

89. Заявители оспорили это возражение. Они утверждали, что расследование продолжалось более шести лет без каких бы то ни было видимых результатов, доказывая, что оно являлось неэффективным в данном случае средством. Они также утверждали, что в Чеченской Республике судебное обжалование постановлений следователей бессмысленно и как средство защиты является иллюзорным и неэффективным.

B. Оценка Суда

90. Суд обращает внимание, что российская правовая система предусматривает, в принципе, два пути обращения за помощью для жертв незаконных и преступных действий, приписываемых государству или его агентам, а именно гражданские и уголовные средства защиты права (see

Khashiyev and Akayeva v. Russia, nos. 57942/00 and 57945/00, § 118, 24 February 2005).

91. Что касается гражданских средств защиты, предположительно доступных заявителям, то Суд отмечает, что Правительство подняло возражение о не исчерпании этого средства защиты в дополнительных замечаниях по существу дела. Суд повторяет, что возражение должно было быть поднято до вынесения решения о приемлемости жалобы (см., среди прочего, *Nikolova v. Bulgaria* [GC], no. 31195/96, § 44, ECHR 1999-II, и *Alexov v. Bulgaria*, no. 54578/00, § 152, 22 May 2008). Однако, это возражение Правительства было впервые поставлено 13 мая 2008 года, после того как Суд признал жалобу приемлемой (см. пункт 5 выше). Таким образом, оно должно быть отклонено.

92. Что касается уголовных средств защиты, то Суд не принял на стадии приемлемости никакого решения относительно исчерпания этих внутригосударственных средств защиты, сочтя этот вопрос тесно связанным с существом дела. Далее Суд приведет свою оценку аргументов сторон в свете положений Конвенции и соответствующей практики Суда (см. их обобщенное изложение в деле *Estamirov and Others v. Russia*, no. 60272/00, § 73-74, 12 октября 2006).

93. Суд повторяет, что Статья 35 § 1 Конвенции предусматривает распределение бремени доказывания. Правительству надлежало дать удовлетворительное объяснение Суду, что указанные средства были эффективными как в теории, так и на практике, то есть доступными, способными привести к исправлению жалоб заявителей и предполагающими разумные шансы на успех (см *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 76, ECHR 1999-V, и *Mifsud v. France* (dec.), no. 57220/00, § 15, ECHR 2002-VIII).

94. Суд принимает во внимание, что расследование исчезновения Сайди Малсагова продолжалось с 13 ноября 2002 года. Заявители и Правительство оспаривают вопрос эффективности этого расследования.

95. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства вызывает сомнения с точки зрения эффективности расследования уголовного дела, что тесно связано с существом жалоб заявительницы. Поэтому Суд полагает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

96. Заявители жаловались на нарушение Статьи 2 Конвенции в связи с тем, что член их семьи исчез после задержания российскими военнослужащими, а государственные органы не провели эффективного расследования данного дела. Статья 2 гласит:

«1. Право каждого человека на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как совершенное в нарушение данной статьи, если оно является результатом применения силы, абсолютно необходимой:

(a) для защиты любого лица от незаконного насилия;

(b) для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях;

(с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. Заявленное нарушение права на жизнь в отношении Сайди Малсагова

1. Доводы сторон

97. Заявители настаивали на том, что член их семьи вне разумных сомнений был задержан и затем убит представителями федеральных сил.

98. Правительство утверждало, что органами следствия не было получено данных о том, что Сайди Малсагов был мертв, или что к похищению или предположительному убийству были причастны представители федеральных силовых структур.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы

99. Суд напоминает о том, что в свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия агентов Государства, но и сопутствующие обстоятельства. Задержанные лица находятся в уязвимом положении и обязанность властей дать отчет об обращении с лицом, заключенным под стражу, в случае, когда указанное лицо умирает или исчезает после задержания, является особенно строгой (см., в числе прочих, *Orhan v. Turkey*, по. 25656/94, § 326, 18 июня 2002, а также указанные в деле прецеденты). В случаях, когда власти полностью или частично исключительно осведомлены о событиях, составляющих предмет спора, как в случае с задержанными лицами, находящимися под их контролем, появляются твердые фактические презумпции в отношении увечий и смерти задержанных в период содержания их под стражей. Фактически, бремя доказывания может быть возложено на власти, которые должны дать удовлетворительное и убедительное объяснение (см. *Salman v. Turkey* [GC], по. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII, и *Cakıcı v. Turkey* [GC], по. 23657/94, § 85, ECHR 1999-IV).

(б) Установление фактов

100. Суд отмечает, что он выработал ряд общих принципов в отношении установления спорных фактов, в частности, касающихся заявлений об исчезновении в соответствии со Статьей 2 Конвенции (см. их обобщенное изложение в деле *Bazorkina v. Russia*, по. 69481/01, §§ 103-109, 27 июля 2006). Также Суд указывает на то, что должно учитываться поведение сторон при даче показаний (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978, стр. 64-65, § 161, Серия А по. 25).

101. Заявители утверждали, что вне разумных сомнений вооруженные люди, забравшие г-на Сайди Малсагова, были представителями Государства, так как они разговаривали на русском языке без акцента и приехали ночью, что указывало на то, что они могли свободно перемещаться во время комендантского часа, действовавшего в городе Урус-Мартан. Далее заявители указали, что сами были свидетелями данных событий. Они

призвали Суд сделать вывод из отказа Правительства представить запрошенные им документы.

102. Правительство утверждало, что 7 ноября 2002 года неустановленные лица в камуфляжной форме и вооруженные автоматическим оружием похитили г-на Сайди Малсагова и увезли в неизвестном направлении. Его местонахождение до сих пор не установлено.

103. Правительство подчеркнуло, что никто из свидетелей похищения Сайди Малсагова не может опознать похитителей, так как они были в масках. Показания г-жи Ш., представленные заявителями, не могут рассматриваться как достоверные, так как были даны не в установленном законом порядке в ходе предварительного расследования. Более того, вначале она заявила, что видела десять вооруженных людей, а затем сообщила, что похитителей было от пятнадцати до двадцати человек. Правительство также акцентировало внимание на том, что Сайди Малсагов как бывший боевик мог инсценировать свое похищение с целью вернуться к незаконной деятельности. Камуфляжная форма и автоматы могли использоваться боевиками. Они также могли использовать документы военнослужащих и других государственных служб для свободного передвижения через блокпосты.

104. Суд обращает внимание на тот факт, что, несмотря на его неоднократные запросы, копии дела о похищении г-на Сайди Малсагова, Правительство ему не предоставило. Правительство ссылалось на Статью 161 УПК. Суд указывает на то, что в ходе предыдущих дел он уже признал данное объяснение неудовлетворительным в качестве оправдания отказа в предоставлении ключевой информации, затребованной Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-...).

105. В свете вышеизложенного и принимая во внимание вышеупомянутые принципы, Суд считает, что он может сделать выводы из действий Правительства в этом отношении. Суд считает, что заявители представили ясную и убедительную картину похищения их родственника 7 ноября 2002 года. Заявители и остальные свидетели утверждали, что поведение преступников было похоже на спецоперацию: они проверили паспорта и обыскали дом. Кроме того, похитители были вооружены автоматами и снайперскими винтовками, которые используют российские военнослужащие. В своих обращениях к властям заявители постоянно указывали на то, что их родственник был похищен неопознанными военнослужащими и просили следователей проверить подобную возможность.

106. Соседка заявителей г-жа Ш. также подтвердила показания заявителей о произошедших событиях, она видела группу вооруженных людей в камуфляжной форме, которые шли по улице в ночь похищения Сайди Малсагова. Суд отвечает, что не обязан отклонять показания г-жи Ш. как недостоверные только потому, что, по мнению Правительства, они не были даны согласно предусмотренной внутренним законодательством процедуре. Не может рассматриваться как недостоверный и тот факт, что свидетельница не точно подсчитала количество идущих людей, которых видела ночью.

107. Суд обращает внимание на утверждение Правительства, что исчезновение родственника заявителей связано с причастностью к деятельности бандформирований. Однако его не убеждает, что Сайди Малсагов инсценировал свое похищение, пригласив большую группу боевиков ночью в собственный дом, в то время как они подвергались риску

быть арестованными федеральными силами только для того, чтобы прикрывать возвращение одного из боевиков в лагерь. Напротив, Суд считает, что причастность Сайди Малсагова к деятельности бандформирований в прошлом подтверждает версию заявителей о его не признаваемом задержании представителями Государства.

108. Более того, Суд считает сомнительным, что боевики могли проехать через блокпосты федеральных сил, используя поддельные документы военнослужащих или других агентов Государства без требования дежурных предоставить их для проверки. Суд таким образом заключает, что тот факт, что большая группа вооруженных людей в военной форме свободно перемещалась в городе во время комендантского часа и задержала человека в его собственном доме в городской зоне, решительно поддерживает предположение заявителей о том, что эти люди были представителями Государства. Кроме того, Суд отмечает, что за шесть лет внутреннее расследование не дало никаких видимых результатов.

109. Суд считает, что в случае, когда заявителями предоставлены доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, а отсутствие необходимых документов мешает Суду дать фактическое заключение, Правительство должно убедительно аргументировать, почему документы, о которых идет речь, не могут служить подтверждением заявлений, сделанных заявительницами, или предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение того, как происходили указанные события. Бремя доказывания, таким образом, переходит к Правительству, и если оно не сможет предоставить убедительные аргументы, возникают вопросы в соответствии со Статьей 2 и/или Статьей 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005, и *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

110. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд удовлетворен, что заявители предоставили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что их родственник был задержан Государственными военнослужащими. Заявление Правительства, что следствие не обнаружило каких бы то ни было доказательств участия в похищении войск специального назначения, является недостаточным для того, чтобы освободить Правительство от вышеупомянутого бремени доказывания. Делая выводы из отказа Правительства представить документы, находящиеся в его исключительном владении, или предоставить иное правдоподобное объяснение событий, о которых идет речь, Суд полагает, что г-н Сайди Малсагов был задержан 7 ноября 2002 года в своем доме в городе Урус-Мартан агентами Государства, выполнявшими секретную спецоперацию.

111. Далее Суд должен решить, может ли Сайди Малсагов считаться умершим. Никакой достоверной информации о Сайди Малсагове не было с 7 ноября 2002 года. Его имя не было обнаружено ни в одном официальном отчете ни одного места заключения. Наконец, Правительство не предоставило никакого объяснения, что случилось с ним после его задержания.

112. Принимая во внимание рассмотренные ранее дела об исчезновении людей в Чечне (см., например, *Imakayeva*, цит. выше, и *Luluyev and Others v. Russia*, no. 69480/01, ECHR 2006-...), Суд считает, что в контексте конфликта в Чеченской Республике, ситуацию, когда кого-то задерживают неуставленные военнослужащие, а затем факт задержания не признается, можно рассматривать как угрожающую жизни. Отсутствие г-на Сайди Малсагова или каких-либо известий о нем в течение более шести лет

подтверждает это предположение. Кроме того, Правительство не смогло предоставить исчезновению г-на Сайди Малсагова никакого объяснения, а официальное расследование его похищения, продолжающееся в течение шести лет, не дало никаких видимых результатов.

113. Поэтому Суд считает, что имеющиеся доказательства дают ему возможность установить с необходимым критерием доказанности, что 7 ноября 2002 года г-н Сайди Малсагов был задержан Государственными военными служащими и что он должен быть признан умершим после его безвестного задержания.

(в) Соблюдение Государством Статьи 2

114. Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых может быть оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое не может быть объектом частичной отмены. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия представителей Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., помимо прочего, *McCann and Others v. the United Kingdom*, постановление от 27 сентября 1995, Серия А no. 324, стр. 45-46, §§ 146-147, и *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 391, ECHR 2001-VII (выдержки)).

115. Судом уже установлено, что Сайди Малсагов должен считаться умершим после его не признаваемого задержания военными служащими Государства. Принимая во внимание, что государственные власти не предоставили какого-либо оправдания применению средств поражающей силы агентами Государства, Суд считает, что ответственность за предполагаемую смерть г-на Сайди Малсагова должна быть отнесена на счет Правительства Государства-ответчика.

116. По указанным выше причинам Суд делает вывод, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении г-на Сайди Малсагова.

В. Заявленная неадекватность расследования обстоятельств похищения

1. Доводы сторон

117. Заявители утверждали, что власти не выполнили свое обязательство провести эффективное расследование обстоятельств похищения Сайди Малсагова. Они заявили, что расследование не соответствовало ни положениям национального законодательства, ни требованиям Конвенции. В частности, они сообщили, что следствие велось в течение шести лет без каких-либо результатов, неоднократно приостанавливалось и возобновлялось. Основные следственные меры были предприняты только после коммуникации данной жалобы Правительству, но и эти шаги, по мнению заявителей, еще раз доказали неэффективность расследования. Первая заявительница не была признана потерпевшей в течение двух месяцев после возбуждения уголовного дела, она не была должным образом информирована о всех мероприятиях по делу.

118. Правительство утверждало, что расследование исчезновения родственника заявителей соответствовало требованиям Конвенции об эффективности расследования, а также, что были предприняты все

предусмотренные национальным законодательством меры для установления местонахождения Сайди Малсагова, но эти оказались тщетными. Таким образом, расследование похищения было длительным, но эффективным.

2. Оценка Суда

119. Суд неоднократно указывал, что обязанность защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции в сочетании с общей обязанностью Государства в соответствии со Статьей 1 Конвенции «обеспечить всем в пределах своей юрисдикции права и свободы, определенные Конвенцией», также предполагает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование в какой-либо форме всех случаев гибели людей в результате применения силы (см. *McCann and Others*, цит. выше, стр. 49, § 161, и *Kaya v. Turkey*, постановление от 19 февраля 1998, *Записи* 1998-I, стр. 324, § 86). Основной целью такого расследования является обеспечение эффективного применения национального законодательства, защищающего право на жизнь, и, по делам, связанным с участием представителей Государства или государственных органов, привлечение их к ответственности за смерти, за которые они должны нести ответственность. Такое расследование должно быть независимым, открытым для доступа семье пострадавшего, выполняться достаточно быстро и в разумные сроки, должно быть эффективным, в том смысле, что оно способно привести к решению, было ли в данном случае применение силы оправдано при указанных обстоятельствах или же оно было незаконным, а также должно предоставлять достаточную возможность контроля следствия или его результатов со стороны общественности (см. *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, no. 24746/94, §§ 105-109, 4 мая 2001, и *Douglas-Williams v. the United Kingdom* (dec.), no. 56413/00, 8 января 2002).

120. Суд сразу же отмечает, что Правительством не были предоставлены материалы уголовного дела. Поэтому Суду придется оценивать эффективность расследования на основании тех немногих документов, которые были представлены заявителями, и информации о ходе следствия, которую сообщило Правительство.

121. Обращаясь к фактам дела, Суд отмечает, что, как указали заявители, они обратились к властям с просьбой помочь установить местонахождение Сайди Малсагова сразу после его похищения, то есть 7 ноября 2002 года. Правительство не отрицало этого. Однако, расследование было возбуждено 13 ноября 2002 года, то есть спустя шесть дней. Эта отсрочка, которой не было объяснений, сама по себе подрывает эффективность следствия по такому преступлению, как похищение при угрожающих жизни обстоятельствах, где важнейшие действия должны были быть предприняты в первые дни после событий.

122. Суд далее отмечает, что следствие отказалось провести такие важные меры, как своевременный допрос свидетелей. Например, первая заявительница была допрошена в первый раз 19 ноября 2002 года. Г-жа С., жена Сайди Малсагова и свидетельница похищения, была допрошена в первый раз 1 августа 2003 года, то есть спустя девять месяцев после случившегося. Господин А. и три других соседа заявителей были допрошены 28 декабря 2004 года. Четвертый заявитель был допрошен впервые 29 декабря 2004 года, то есть, через два года после исчезновения Сайди Малсагова. Г-жа З.Т., свидетельница похищения, была допрошена впервые только 26 марта 2006 года, то есть через три с половиной года после похищения ее дяди.

123. Суд полагает, что в настоящем деле следственные органы не только не выполнили свои обязательства действовать с образцовой старательностью и быстротой в отношении столь серьезного преступления (см. *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, no. 46477/99, § 86, ECHR 2002-II), но и не провели самые элементарные следственные мероприятия. Обращает на себя внимание тот факт, что нет никакой информации об осмотре места происшествия. По всей видимости, Майрсолт Малсагов, отец исчезнувшего и свидетель его похищения, никогда не был допрошен. Его смерть не может рассматриваться как оправдание в данной ситуации, так как она имела место почти через год после начала расследования. И, наконец, никакие материалы, представленные Суду, не позволяют заключить, что следователи пытались допросить военнослужащих, располагавшихся в Урус-Мартане или дежуривших на окрестных блокпостах в ночь похищения.

124. Суд также отмечает, что хотя первая заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу спустя два месяца после начала расследования, ее информировали только о приостановлении и возобновлении расследования и не уведомляли о ходе расследования. Кроме того, четвертый заявитель был признан потерпевшим более чем через два года после совершившегося преступления. Из этого следует, что власти отказались обеспечить должный уровень общественного контроля над расследованием и гарантировать интересы ближайших родственников (см. *Oյur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 92, ECHR 1999-III).

125. Наконец, Суд отмечает, что следствие несколько раз приостанавливалось и возобновлялось. Такое проведение расследования не могло не сказаться негативно на перспективе установления исполнителей преступления и выяснении судьбы г-на Сайди Малсагова.

126. В отношении предварительного возражения Правительства, которое было объединено с рассмотрением жалобы по существу, поскольку касается вопроса о том, что внутренне расследование еще продолжается, Суд отмечает, что расследование, неоднократно приостанавливавшееся и возобновлявшееся и подорванное необъяснимыми отсрочками, продолжалось в течение многих лет без каких бы то ни было видимых результатов. Соответственно, Суд считает, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, являлось в настоящих обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства.

127. Правительство также утверждало, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки постановлений, вынесенных следственными органами, в контексте исчерпания внутригосударственных средств защиты. Суд учитывает, что заявители, не имея доступа к материалам уголовного дела и будучи не информированными должным образом о ходе расследования, не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов в суде. Кроме того, расследование несколько раз возобновлялось самой прокуратурой вследствие необходимости дополнительных следственных мероприятий. Тем не менее, обращения заявителей так и не были рассмотрены должным образом. Более того, вследствие того, что с момента событий, в отношении которых поступила жалоба, прошло определенное количество времени, некоторые следственные мероприятия, которые следовало провести ранее, не могли принести видимых результатов. Таким образом, вызывает серьезные сомнения, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, могло принести какие-либо ощутимые результаты. Поэтому Суд считает, что средство

правовой защиты, на которое полагалось Правительство, являлось в настоящих обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства и в этой части.

128. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективное уголовное расследование обстоятельств исчезновения г-на Сайди Малсагова, в нарушение процессуальной части Статьи 2.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

129. Далее заявители жаловались, что в результате исчезновения члена их семьи и непроведения Государством добросовестного расследования этих событий, они испытывали душевные страдания, что является нарушением Статьи 3 Конвенции. Статья 3 гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию».

130. Заявители настаивали на своих жалобах.

131. Правительство утверждало, что следствием не было установлено, что заявители подверглись бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

132. Суд отмечает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от наличия особых факторов, придающих страданиям заявителя особую степень и характер, отличные от эмоционального расстройства, которое можно считать неизбежным у родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие факторы включают крепость семейных уз, особые обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи стал свидетелем рассматриваемых событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и реакцию властей на подобные запросы. Кроме того, Суд подчеркивает, что суть подобных нарушений заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, но скорее относится к реакции и позиции властей в момент, когда данная ситуация доводится до их сведения. Именно в силу этого последнего обстоятельства родственник может утверждать, что сам является жертвой действий властей (см. *Orhan*, цит. выше, § 358 и *Imakayeva*, цит. выше, § 164).

133. В настоящем деле Суд отмечает, что первая заявительницей является матерью пропавшего человека, а другие заявители — его братья и сестры. В течение этого периода главным образом первая заявительница обращалась в различные органы государственной власти с запросами о исчезновении Сайди Малсагова. В то же самое время Суд указывает, что четвертая заявительница, которая была свидетельницей похищения ее брата, была признана потерпевшей и в ходе внутреннего расследования, предполагает, что она таким образом была прямо задействована во взаимодействиях с властями. Однако, нет подтверждений, что другие пять членов семьи участвовали в Сайди Малсагова (см., для сравнения *Luluyev and Others*, cited above, § 112). И еще, Суд отмечает, что седьмой заявитель имел личное столкновение с военнослужащими в ночь похищения его брата и таким образом перенес значительное переживание. В таком случае, принимая во внимание, что события 7 ноября 2002 года могли быть причиной значительного переживания для второго, третьего, пятого и шестого заявителей, Суд, тем не менее, не может признать, что степень их душевного

страдания была достаточно серьезной и достигала уровня эмоционального переживания, подпадающего под нарушение Статьи 3 Конвенции.

134. В настоящем деле Суд отмечает, что первый, четвертый и седьмой заявители в течение шести лет не имели никаких известий о Сайди Малсагове. В этот период первая заявительница лично и письмами обращалась в различные официальные органы с запросами о своем сыне. Несмотря на предпринятые усилия, заявители ни разу не получили правдоподобного объяснения или информации о том, что произошло с членом их семьи после задержания. В ответах, полученных заявителями, по большей части отрицалась ответственность Государства за исчезновение их родственника либо просто сообщалось, что следствие по делу продолжается. Непосредственное отношение к вышесказанному имеют и выводы Суда относительно процессуальной части Статьи 2.

135. В свете вышеизложенного Суд считает, что первый, четвертый и седьмой заявители испытывали и продолжает испытывать эмоциональный стресс и моральные страдания в результате исчезновения их родственника и неспособности выяснить, что с ним произошло. То, как власти реагируют на ее жалобы, следует считать равносильным бесчеловечному обращению, нарушающему Статью 3.

136. Из этого Суд делает вывод, что в отношении первого, четвертого и седьмого заявителей имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции, и что нет нарушения в отношении других заявителей.

IV. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

137. Далее заявительница утверждала, что г-н Сайди Малсагов был задержан в нарушение гарантий Статьи 5 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«1. Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:...

(с) законный арест или задержание лица, произведенные с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждое арестованное в соответствии с положениями пункта 1 (с) данной статьи лицо незамедлительно доставляется к судье или к другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантии явки в суд.

4. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство, в ходе которого суд безотлагательно решает вопрос о законности его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто был жертвой ареста или содержания под стражей, произведенных в нарушение положений данной статьи, имеет право на компенсацию, обладающую исковой силой».

138. Заявители настаивали на том, что задержание их родственника не подпадало ни под одно из исключений, указанных в Статье 5 § 1 Конвенции.

139. По мнению Правительства, у следствия не было данных, которые подтверждали бы, что Сайди Малсагов был лишен свободы представителями Государства.

140. Суд ранее уже указывал на фундаментальную важность гарантий Статьи 5 для обеспечения права любого лица в демократическом государстве не подвергаться произвольному задержанию. Также Суд отмечал, что неизвестное задержание лица является полным отрицанием гарантий и серьезнейшим нарушением Статьи 5 (см. *Cicek v. Turkey*, по. 25704/94, § 164, 27 февраля 2001, и *Luluyev*, цит. выше, § 122).

141. Суд считает установленным, что Сайди Малсагов был задержан 7 ноября 2002 года представителями Государства и отсутствует с тех пор. Его задержание не было признано властями и не было зарегистрировано в каких-либо записях о содержащихся под стражей лицах, а официальных сведений о его дальнейшем местонахождении и судьбе не имеется. В соответствии с практикой Суда, сам по себе этот факт должен рассматриваться как серьезное упущение, поскольку позволяет ответственным за акт лишения свободы скрыть свою причастность к преступлению, замести следы и уйти от ответа за судьбу задержанного. Кроме того, отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью Статьи 5 Конвенции (см. *Orhan*, цит. выше, § 371).

142. Суд также считает, что власти должны были осознавать необходимость более тщательного и незамедлительного расследования жалоб заявительницы на то, что ее мужа задержали и увели при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако приведенные выше выводы Суда в связи со Статьей 2, в частности, касающиеся характера ведения следствия, не оставляют сомнений в том, что власти не приняли незамедлительных и эффективных мер по защите мужа заявительницы от риска исчезновения.

143. Следовательно, Суд считает, что Сайди Малсагов подвергся неизвестному задержанию и был лишен гарантий, предусмотренных Статьей 5. Это является чрезвычайно серьезным нарушением права на свободу и безопасность, гарантированного Статьей 5 Конвенции.

V. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

144. Заявители жаловались, что были лишены эффективных средств защиты в отношении вышеупомянутых нарушений по Статьям 2, 3 и 5, что противоречит Статье 13 Конвенции, которая гласит:

«Каждый человек, чьи права и свободы, изложенные в настоящей Конвенции, нарушены, располагает эффективными средствами правовой защиты перед государственными органами даже, если такое нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

145. Заявители утверждали, что прибегли к единственному потенциально эффективному средству правовой защиты - уголовному расследованию. Однако в данном случае это средство оказалось

неэффективным, а недостатки расследования подорвали эффективность других средств, которые могли существовать.

146. Правительство заявило, что в распоряжении заявителей имелись эффективные внутригосударственные средства правовой защиты, как того требует Статья 13 Конвенции, и что российские власти не препятствовали праву заявительницы воспользоваться такими средствами. Следствие по делу исчезновения их родственника все еще продолжалось. В то же время, заявители не обращались во внутригосударственные суды ни с гражданскими исками, ни с жалобами в отношении действий представителей правоохранительных органов. Правительство приложило копии решений внутригосударственных судов в отношении исков о возмещении материального и морального ущерба, причиненного правонарушениями, совершенными российскими военнослужащими в Северо-Кавказском регионе.

147. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средств правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, также проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и наказанию ответственных за лишение жизни и за противоречащее Статье 3 обращение, что, в частности, предполагает фактический доступ истца к процессуальным действиям, направленным на установление личности и наказание виновных (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и *Suheyla Aydın v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 мая 2005). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 и 57945/00, § 183, 24 февраля 2005).

148. Из этого следует, что при обстоятельствах, подобных обстоятельствам настоящего дела, когда расследование по делу, возбужденному по факту исчезновения, было неэффективным, из-за чего была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства, включая гражданский иск, предложенный Правительством, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции.

149. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 в сочетании со статьей 2 Конвенции.

150. Относительно жалобы по Статье 3 Конвенции, то было признано, что она нарушено по отношению к первому, четвертому и седьмому заявителям, которые пережили душевные страдания из-за исчезновения их близкого родственника, невозможности установить его судьбу и равнодушия властей к их жалобам. Суд отмечает, что он уже признал нарушение Статьи 13 Конвенции в сочетании со Статьей 2 Конвенции ввиду поведения властей, вызвавшего душевные страдания заявителей. Суд считает, что при данных обстоятельствах не встает отдельный вопрос о нарушении Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

151. Что же касается ссылок заявительницы на Статью 5 Конвенции, Суд отмечает, что в свете сложившегося прецедентного права Суда, согласно которому более специфические гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, будучи *lex specialis* в отношении Статьи 13, поглощают и перекрывают собой требования Статьи 13, а также в свете приведенного выше вывода о нарушении Статьи 5

Конвенции в результате безвестного задержания, Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не встает отдельный вопрос о нарушении Статьи 13, рассмотренной совместно со Статьей 5 Конвенции.

VI. РАССМОТРЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 (а) КОНВЕНЦИИ

152. Заявители утверждали, что отказ Правительства предоставить материалы, затребованные Судом на стадии представления, указал на несоблюдение Правительством своих обязательств в соответствии со Статьей 38 § 1 (а) Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«1. В случае, когда Суд принимает переданную ему жалобу, он:

(а) предпринимает, совместно с представителями сторон, изучение дела и, если это необходимо, расследование, для эффективного ведения которого заинтересованные Государства создают все необходимые условия;

...»

153. Заявители предложили Суду считать факт того, что Правительство в ответ на требование Суда отказалось предоставить копию всех материалов следствия по делу, несовместимым с его обязательствами согласно Статье 38 Конвенции.

154. Правительство снова сослалось на то, что передача материалов уголовного дела противоречила бы Статье 161 УПК.

155. Суд повторяет, что разбирательства по некоторым типам жалоб не всегда требуют строгого выполнения принципа, по которому лицо, заявившее что-то, должно доказать свое заявление, и что первостепенную важность для эффективного функционирования системы индивидуальных петиций согласно Статье 34 Конвенции имеет то, что Государства должны создавать все необходимые условия для возможности соответствующего и эффективного рассмотрения жалоб.

156. Данное обязательство требует от Договаривающихся Государств предоставления Суду всех условий, вне зависимости от того, занимается ли он установлением фактов или выполняет свои общие обязанности в отношении рассмотрения жалоб. Для разбирательств, касающихся дел подобного характера, когда отдельные заявители обвиняют представителей Государства в нарушении их прав согласно Конвенции, характерно, что в определенных случаях только Государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть указанные предположения. Отказ Правительства предоставить такую информацию, находящуюся в его исключительном обладании, без какого-либо удовлетворительного объяснения может не только натолкнуть на выводы в отношении обоснованности утверждений заявителя, но и отрицательно сказаться на оценке выполнения Государством-ответчиком своих обязательств согласно Статье 38 § 1 (а) Конвенции. В случае, когда жалоба поднимает вопрос в отношении эффективности следствия, материалы уголовного следствия являются фундаментальной составляющей в установлении фактов, и их отсутствие может нанести вред должному рассмотрению жалобы Судом как на стадии приемлемости, так и на стадии рассмотрения по существу (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 71, ECHR 1999-IV).

157. Суд отмечает, что, несмотря на его неоднократные запросы копий материалов следствия по делу исчезновения родственника заявителей, Правительство отказалось предоставить эти копии. Правительство ссылалось на Статью 161 УПК и предоставило лишь несколько документов из материалов указанного дела, а именно: постановления о приостановлении и возобновлении расследования, постановления о признании потерпевшими и копии допросов первой и пятого заявителей. Суд указывает на то, что в ходе предыдущих дел он уже признал ссылку на Статью 161 УПК неудовлетворительной в качестве оправдания отказа (см., помимо прочего, *Imakayeva*, цит. выше, § 123).

158. Обращаясь к важности содействия Правительства Государства-ответчика при рассмотрении дел в соответствии с Конвенцией и принимая во внимание сложности, связанные с установлением фактов в делах подобного характера, Суд считает, что Правительство не выполнило своих обязательств в соответствии со Статьей 38 § 1 Конвенции вследствие отказа предоставить копии материалов, касающихся исчезновения г-на Сайди Малсагова.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

159. Статья 41 Конвенции устанавливает:

«Если Суд считает, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Возмещение материального ущерба

160. Первая заявительница утверждала, что понесла ущерб в виде потери заработка Сайди Малсагова. Она заявила, что хотя ее сын был безработным на момент задержания, он в будущем мог бы найти работу и размер его заработка не может быть ниже прожиточного минимума, установленного федеральным законодательством. Первая заявительница утверждала, что могла бы рассчитывать на 545,895.00 российских рублей (приблизительно 12,500 евро).

161. Правительство заявило, что материальный ущерб не должен быть возмещен первой заявительнице, поскольку факт смерти ее сына не был установлен. Кроме того, первой заявительнице следовало обратиться во внутригосударственный суд с требованием компенсации за потерю кормильца. Оно также указало, что Сайди Малсагов был сотрудником АО Энергетик с августа 2002 года.

162. Суд повторяет, что между ущербом, компенсацию которого требует заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь. Кроме того, согласно Правилу 60 Регламента Суда любое требование справедливой компенсации должно быть детализировано и представлено в письменном виде вместе с необходимыми подтверждающими документами или свидетельствами, «при отсутствии которых, Палата может частично или полностью отклонить требование».

163. Суд полагает, что действительно существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении сына заявительницы и потерей заявительницей финансовой поддержки, которую он мог бы ей обеспечить. Однако Суд замечает, что остается неясным, был ли

Сайди Малсагов был безработным на момент задержания или нет. Тем не менее, Суд считает, что он может обоснованно предположить, что сын заявительницы со временем получил бы доходы не менее прожиточного минимума. Принимая во внимание утверждения первой заявительницы, Суд присуждает ей 2,00 евро в качестве возмещения материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

А. Возмещение морального ущерба

164. Заявители потребовали компенсации морального вреда за страдания, которым она подверглась в результате потери своего родственника и безразличия, проявленного властями в его отношении, и отказа в предоставлении сведений о его судьбе. Первая заявительница потребовала 50,000 евро, другие шесть заявителей потребовали по 5,000 евро каждому.

165. Правительство сочло запрошенные суммы компенсации завышенными.

166. Суд признал нарушение Статей 2, 3, 5 и 13 Конвенции в части неизвестного задержания и исчезновения родственника заявителей. Первый, четвертый и седьмой заявители были признаны жертвами нарушений по Статье 3 Конвенции. Поэтому Суд признает, что им был причинен моральный ущерб, который не может быть компенсирован одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает первой заявительнице 27,000 евро, по 3,000 евро четвертому и седьмому заявителям каждому, по 750 евро второму, третьему, пятому и шестому заявителям каждому, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

С. Издержки и расходы

167. Заявителей представляла организация «Правовая инициатива по России». Заявительница подала перечень понесенных издержек и расходов, включая расследования и опросы в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов для Суда и органов государственной власти по ставке 50 евро в час для юристов организации «Правовая инициатива по России» и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Она также предъявила счета за почтовые, административные расходы, а также расходы на перевод. Общая требуемая сумма в части расходов и затрат по официальному представлению интересов заявительницы составила 8,529.62 евро.

168. Правительство оспорило разумность и законность предъявленных требований в этой связи. Оно также указало, что требования о справедливой компенсации были подписаны пятью юристами, двое из которых не были указаны в доверенностях, выданных заявителями. Оно также усомнилось в необходимости использования для пересылки корреспонденции услуг курьерской почты.

169. Суд указывает на то, что заявители выдали доверенности на имя организации «Правовая инициатива по России» и на ее трех юристов. Требования о компенсации были подписаны пятью юристами. Имена трех из них были указаны в доверенностях, а двое других юристов сотрудничают с «Правовой инициативой». В таких обстоятельствах Суд не видит причин сомневаться, что пять представителей организации, упомянутые в требованиях о компенсации, принимали участие в подготовке замечаний

заявителей во существу жалобы. Более того, Суд не видит оснований заключить, что заявители не имели права пользоваться услугами курьерской почты.

170. Суду, во-первых, необходимо установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявительницей, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми и разумными (см. *Iatridis v. Greece* (справедливая компенсация) [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 2000-XI).

171. Принимая во внимание детализацию представленных сведений, Суд считает указанные ставки оплаты разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

172. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд признает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Однако Суд отмечает, что дело не требовало подготовки большого объема письменных доказательств в связи с отказом Правительства предоставить материалы уголовного дела. Поэтому, Суд сомневается в необходимости проведения исследовательской работы в объеме, указанном представителями заявителей.

173. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость их оснований, Суд присуждает им сумму в 7,500 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве юридической помощи от Совета Европы, плюс НДС, если он начисляется на данную сумму, подлежащие уплате на банковский счет представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

174. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении г-на Сайди Малсагова;
3. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в части не проведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения г-на Сайди Малсагова;
4. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении душевных страданий первого, четвертого и седьмого заявителей;
5. *Постановляет*, что не имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении второго, третьего, пятого и шестого заявителей;
6. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении г-на Сайди Малсагова;
7. *Постановляет*, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части предполагаемых нарушений Статьи 2 Конвенции;

8. *Постановляет*, что нет оснований отдельно рассматривать вопрос о нарушении Статьи 13 Конвенции в части предполагаемого нарушения Статей 3 и 5 Конвенции;

9. *Постановляет*, что имеет место нарушение Правительством Статьи 38 § 1 (а) Конвенции, вследствие отказа Правительства предоставить материалы, затребованные Судом;

10. *Постановляет*

(а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, произвести следующие выплаты:

(i) 2,000 (две тысячи) евро, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате первой заявительницей, в российских рублях по курсу на дату выплаты в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 27,000 (двадцать семь тысяч) евро первой заявительнице, по 3,000 (три тысячи) евро четвертому и седьмому заявителям каждому и по 750 (семьсот пятьдесят) евро второму, третьему, пятому и шестому заявителям каждому плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате, в российских рублях по курсу на дату выплаты в качестве компенсации морального ущерба;

(iii) 6,650 (шесть тысяч шестьсот пятьдесят) евро, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявительницей, в оплату издержек и расходов на счет банка представителей заявительницы в Нидерландах;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

12. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 9 апреля 2009 года в соответствии с Правилем 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, Секретарь Секции

Кристос Розакис, Председатель